

Андрей Макаревич

**всё ещё
сам овца**

Андрей Макаревич

всё ещё САМ ОВЦА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 15

Фото на обложке и в книге из личного архива *А. Макаревича*

Художественное оформление обложки *И. Озерова*

Макет *Д. Сазонова*

Макаревич А. В.

М 15 Всё ещё сам овца / Андрей Макаревич. — М. : Эксмо, 2014. — 448 с. — (Макаревич Андрей: автобиографическая проза).

ISBN 978-5-699-66613-3

Сложно сказать, насколько мы изменились за 12 лет, глядя каждый день на себя в зеркало. Узнали бы мы самих себя, оглянувшись назад? Андрей Макаревич, рок-легенда и кумир уже не одного поколения, представляет читателям автобиографический роман 12-летней выдержки. Архитектор по профессии, музыкант по призванию и философ по жизни, он приглашает взглянуть на себя прошлого глазами настоящего, рисуя перед нами картины абсурдно-комичной, а иногда трагичной советской жизни, образы своего детства и дорогих, горячо любимых людей, делая своими мыслями и размышлениями о музыке, о живописи, о жизни...

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Макаревич А., 2013

© Озеров И., оформление, 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-66613-3

Предисловие

Книжку «Сам овца» я закончил бог знает сколько лет назад. Вам интересно когда? В две тысячи первом году. Это очень давно.

Журналисты (наши, разумеется) обожают спрашивать у музыкантов: «Как вы думаете, вы меняетесь с годами?» И музыканты, конечно, отвечают — нет, что вы, мы не меняемся, вот разве что взрослеем (вариант: стареем)...

Врут, конечно. Все мы меняемся. С каждым годом. С каждым днем. С каждой секундой. Потому что мир вокруг нас меняется. Меняется воздух, которым мы дышим. И мы можем сколько угодно думать, что это на нас не влияет. Как это не влияет? Мы же живые — пока! Не меняются только те, кого уже нет с нами.

По себе, конечно, не видно. Потому что не хочется. Еще потому что мы видим себя в зеркале по десять раз на дню и перемены незаметны. А встречаешь друга которого не видел год — господи! И он про тебя подумал то же. И сказал — ты прекрасно выглядишь!

И вы думаете, что, если внешность наша так меняется, внутри мы неизменны? А как же единство

формы и содержания? Да нет, мы по-прежнему любим хорошую музыку и не любим плохую, и список наших любимых книг не сильно изменился, как и круг друзей (уходят, уходят...) и по-прежнему считаем что Божьи заповеди — самое простое и мудрое, что получило в наказ человечество. Но вот дальше... В фильме «О чем говорят мужчины» это изложено досконально.

В этой связи у меня возникло почти медицинское желание перечитать «Овцу» и посмотреть — насколько и в чем я изменился за двенадцать лет.

А потом подумал — а вдруг это интересно не мне одному?

Простите мне мою самонадеянность.

*Андрей Макаревич, 13 августа 2013 года,
23 часа 5 минут*

Исключение опровергает правило

Когда я был совсем маленьким, моему отцу доставляло огромное удовольствие, посадив меня к себе на колени, заговорщическим тоном промолвить: «Молодец — против овец. А против молодца?..» И я, замирая от восторга, торжественно произносил: «Сам овца».

Это необыкновенно радовало моих родителей. Мне же в ту минуту виделась картина, не имеющая никакого отношения к истинному смыслу пословицы.

А видел я бескрайнее туманное поле — поле предстоящей битвы. Слева располагалось русское войско — на конях, в островерхих шлемах, как в фильме «Александр Невский». Справа до горизонта мрачно теснились овцы. От человеческого воинства отделялся и выезжал вперед Молодец — витязь-богатырь вроде Микулы Селяниновича. Навстречу ему из стада овец выдвигался их предводитель — мощное и свирепое животное: Сам Овца. Они медленно сближались.

Поединок Молодца и Самого Овцы определял исход всей дальнейшей битвы. Картина получалась грозная и торжественная.

Только много лет спустя мне вдруг открылось общепринятое прочтение этой крылатой фразы. И я, надо сказать, был сильно разочарован ее убогой назидательной мудростью.

Конечно, в детстве я был не один такой странный. Два моих товарища в разное время признались мне, что первая строчка русской народной песни «Шумел камыш, деревья гнулись» вызывала в их сознании образ некой мыши-шумелки, которая, видимо, шумела так, что гнулись деревья.

Эстрадная песня со словами «Долго будет Карелия сниться, будут сниться с этих пор остроконечных елей ресницы над голубыми глазами озер» читалась моим другом Максимом Капитановским следующим образом: «Долго будет Карелия сниться, будет сниться с этих пор: остроконечно ели ресницы над голубыми глазами озер».

Макс в детские годы боялся этой песни. Действительно, если кто-то ест ресницы, да еще как-то остроконечно, — согласитесь, это, в общем, жутко, и даже задушевный вокал Марии Пахоменко не спасает ситуации.

Мне артистка Пьеха примерно в то же время загадывала другую загадку: в строчке «К цветку цветок сплетай венок — пусть будет красив он и ярк» я никак не мог понять, кто такой униярок и почему его красота зависит от плетения венка, хотя логика подсказывала, что венки в результате наденут на униярка и именно это придаст ему красоты.

Историй таких можно вспомнить множество. И очень жаль, что с годами наше ухо теряет способность различать эти волшебные вещи в потоке общепонятных банальностей. Хотя бывают, конечно, исключения.

Сравнительно недавно в песне группы «Б 2», где периодически звучали слова «О-о, кончится пленка», я услышал «Кончи цыпленка», и в обратную сторону у меня уже не переворачивается. По-моему, так гораздо лучше.

Однажды мы сидели за столом с Александром Градским и пили шампанское, не помню уже по какому поводу. Вдруг Градский поднес бокал с вином к уху, глаза его затуманились. Потом Градский сказал: «А ну-ка, Макар, вот мы сейчас проверим – поэт ты или не поэт. На что похож звук?» С этими словами он поднес шипящее шампанское к моему уху. Звук действительно напоминал что-то знакомое. «Может быть, шум стадиона?» – неуверенно предположил я. «Ни хуя ты не поэт! – расстроился композитор. – Вода в бачке так журчит!»

Эта история связана для меня с двумя незабываемыми ощущениями: ясным ощущением ангела за плечами и чувством внезапного острейшего счастья.

Возможно, вещи это взаимосвязанные. Во всяком случае, первое обычно влечет за собой второе.

Происходило это дело, кажется, в 86-м году.

Мне предложили записать на фирме «Мелодия» мой первый сольный альбом – «Песни под гитару».

То есть он уже был до этого записан – на полуподпольной студии у Володи Ширкина, – без всякой, кстати, надежды на дальнейшее его издание. А тут благодаря очаровательной молодой редакторше Нине Кацман, звукорежиссеру Андрею Ветру и всяким перестроечным настроениям (никто толком не знал, насколько откроют крантик, но каждый надеялся на большее) было решено попробовать эту пластинку выпустить, переписав предварительно для лучшего качества звучания – действительно, техническое оснащение «Мелодии» это позволяло. То было золотое время, когда всяческие худсоветы, которые привыкли блюсти идеологическую, а отнюдь не художественную наполненность произведения, из-за происходящих в стране событий совершенно потеряли классовую ориентацию. Я, не скрою, испытывал мстительную радость, когда те же самые товарищи, которые годами до этого заворачивали мои, и не только мои песни (сейчас, кстати, уже совершенно непонятно, за что, – тогда еще с некоторым усилием можно было понять), теперь с испуганной улыбкой или со словами: «Ну вот, совсем другое дело!» – подписывали к изданию эти же песни, практически не читая.

В общем, я получил студийное время и Андрея Ветра в придачу, который, питая, по-моему, искреннюю симпатию ко мне и к тому, что я делаю, грозился создать с моим участием шедевр звукозаписи.

Поразительное дело: как стремительно это техническое студийное великолепие — аналоговые ламповые пульта, большие залы с правильной акустикой, магнитофоны с широкой пленкой — ушло в прошлое, вытесненное новейшей электроникой, цифровой записью, компьютерными программами — казалось, навсегда! Ан нет: разыскивают, бережно восстанавливают, сдувают пыль — оказывается, настоящий-то звук здесь! Объявились электроникой. Все-таки человечество катится вниз — со всеми своими новомодными игрушками.

Я сам попросил утренние часы — я вообще больше люблю работать с утра. Началась работа — спокойная и не очень сложная. Так как все песни уже были однажды записаны, приходилось заниматься практически повторением пройденного. Все вроде получалось, я успокоился, восторженный студийный трепет, обычно мне свойственный, исчез.

И день на третий вышло так, что я оглушительно напился. То есть не днем, конечно, а ближе к ночи. Не знаю уж, что этому способствовало — то, что я

жил на этом отрезке абсолютно холостой жизнью, или внезапный заезд каких-то старых друзей, или моя успокоенность по поводу работы, или что-то еще, — не помню. Что-то точно было, иначе не стал бы я так напиваться, тем более в дни записи. Короче говоря, пробуждение мое походило на пробуждение Степы Лиходеева из известного романа, причем настолько, что не вижу никакого смысла описывать это состояние вслед за классиком.

На часах было без четверти десять, а в десять начиналось мое студийное время. Я вывалился на улицу к своим «Жигулям», благо одеваться было не надо. Две чудовищные мысли заслоняли все мое сознание. Первая: я опаздываю. А больше всего на свете я не люблю опаздывать. Даже пятиминутное мое опоздание на скучную деловую встречу меня же и выбивает из колеи на целый день, а уж опоздание на такое святое дело, как запись, — это просто невозможно себе представить. И второе — даже если я дотяну до студии, смысла в этом не будет, так как нахожусь, по образному выражению одной моей подруги, в кондиции «ни петь, ни рисовать». И вообще, стоит ли в этом случае появляться на людях в таком виде.

Мучимый этими проблемами вкупе с тяжелейшим похмельем, я все же умудрился доползти до «Мелодии», не попав по пути в аварию. Видимо, всю дорогу я молился. Я не видел выхода из ситуации и, очевидно, просил Небо о чуде.

Когда я открыл дверь студии, часы показывали четверть одиннадцатого. Потребовалось некоторое время, чтобы понять: это не у меня в глазах темно – темно в студийном коридоре. По мистическому стечению обстоятельств за пять минут до моего появления на студии пропало электричество. Я осмелел настолько, что посетовал на плохое состояние коммунальных служб столицы и даже иезуитски заинтересовался, скоро ли устранят поломку – что-то внутри говорило мне, что не скоро. И правда – не раньше, чем к вечеру, ответили мне.

После чего я подошел к очаровательной редакторше Нине, взял ее за руку и предложил пойти попить пива. И не куда-нибудь, а в «Жигули» – это тогда было главное пивное заведение Москвы.

Очаровательная редакторша с печальной улыбкой посмотрела мне в глаза и сказала, обнаружив неожиданное знание вопроса, что в это время в понедельник в «Жигули» попасть невозможно – разве что отстояв часовую очередь.

Был и правда понедельник, и большая часть трудовой Москвы поправляла там с утра свое здоровье. Но я уже знал, что чудеса будут продолжаться. И торжественно пообещал редакторше, что никакой очереди мы не увидим и что в «Жигулях» нас ожидает не только свежайшее пиво, но и дефицитная вобла. Меня не покидала странная уверенность, что именно так все и будет. Это было похоже на ясновидение.

Именно так все и произошло. Подходя к заведению, девушка даже предположила, что оно закрыто — ну не бывает в понедельник утром у «Жигулей» ни одного человека! Но двери гостеприимно распахнулись, нас усадили в прохладном зале, а к свежайшему пиву помимо дефицитной воблы подали еще совсем уж невероятных раков. Девушка скоро исчезла, а я сидел, восхитительно медленно приходя в сознание и стараясь запомнить это ощущение ангела за плечом.

Я вспомнил историю, которая произошла лет за десять до этого, еще в институте. Как и у всех нормальных людей, предметы у меня делились на любимые и нелюбимые. К нелюбимым относились точные науки — математика, сопромат и им подобные. (Туда же входила история КПСС, но по другим мотивам.) Дело было не просто в нелюбви — при попытке заняться математикой спустя пятнадцать минут я впадал в тяжелое полуплетаргическое состояние, из которого вывести могло только немедленное прекращение попытки и кардинальная смена обстановки. Сейчас нечто подобное я испытываю, открывая всякого рода технические инструкции — по обращению с компьютером, например. А тогда утешал лишь тот факт, что после сдачи последнего экзамена по математике уже никакая сила в мире не заставит меня вернуться к постижению этой науки.

Для сдачи экзаменов по нелюбимым предметам я разработал метод, основанный на психологическом проникновении в душу преподавателя. Как

правило, было видно, что экзамен доставляет педагогам не больше удовольствия, чем нам, студентам. На дворе стоял июнь, экзамены часто выпадали на выходные дни, и я просто физически ощущал, как хочется нашим профессорам быстрее закончить всю эту бодягу и поехать, скажем, на дачу. Студенты же нервно толпились у дверей аудитории, подталкивали вперед друг друга, держались в коридоре до последнего, а потом часами безнадежно потели над билетом — словом, тянули время.

В коридоре очень важно было выяснить — злой сегодня экзаменатор или не очень. Я же понимал, что злым он становится именно в результате происходящего. И тогда я выбрал прямо противоположную тактику.

С утра я надевал красивый пиджак (у меня был единственный пиджак — но зато с изумрудным отливом, небесной красоты) и смело заходил в аудиторию первым. Я брал билет и, не заглядывая в него, небрежно произносил: «Можно, я без подготовки?» Верите или нет — я всегда ощущал в этот момент флюиды благодарности, исходившие от преподавателя. Может, и не умом, а сердцем теплел он оттого, что хоть один из этих засранцев бережет его время. Я же понимал, что никакого проку от моего сидения над билетом все равно не будет — знаний не прибавится, а шпаргалки меня никогда не вдохновляли.

Дальше происходило по-разному, но во всяком случае на переэкзаменовку меня не отправляли никогда.